

УДК 947.081/083:622
ББК 74.03(2)
И20

Книга соответствует «Гигиеническим требованиям к изданиям книжным для взрослых» СанПиН 1.2.1253-03, утвержденным Главным государственным санитарным врачом России 30 марта 2003 г. (ОСТ 29.124-94). Санитарно-эпидемиологическое заключение Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека № 77.99.60.953.Д.014367.12.15

Иванов О.А.

И20 История Московской горной академии. — М.: Издательство «Горная книга», 2016. — 320 с.: ил.

ISBN 978-5-98672-397-6 (в пер.)

Книга посвящена истории Московской горной академии (1918–1930) — одного из крупнейших учебных заведений, созданного сразу после Октябрьской революции. Подробно изложены основные причины возникновения МГА, рассказывается о самоотверженности людей, в тяжелейших условиях ее создававших, — преподавателях и студентах, которые, несмотря на голод и холод первых лет существования Академии, с честью преодолевали все трудности, о сложных путях становления высшего технического вообще и в частности горного образования в первом десятилетии Советской России и о причинах расформирования МГА.

В Приложении приведен очерк о создателе и первом ректоре МГА Дмитриии Николаевиче Артемьеве. Даны отчеты о праздновании юбилеев МГА в 1923, 1924, 1929, 1930 гг., а также список профессоров и преподавателей кафедр Горной академии в 1923 г.

В книге много материалов — архивных документов и фотографий, не вошедших в издание «Московский горный. 1918–1998».

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-98672-397-6

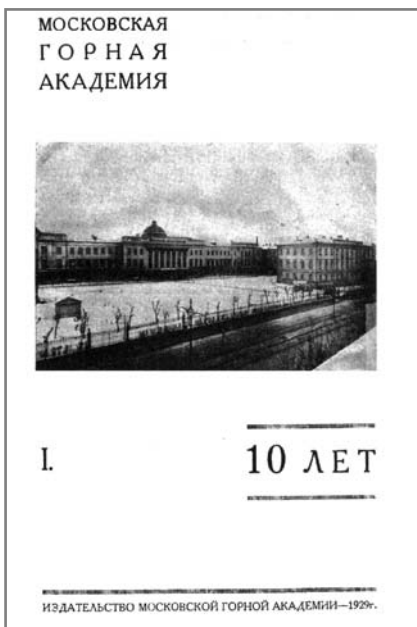
УДК 947.081/083:622
ББК 74.03(2)

© О.А. Иванов, 2016
© Издательство «Горная книга», 2016
© Дизайн книги.
Издательство «Горная книга», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1998 г. в Издательстве МГГУ вышла в свет коллективная монография под названием «Московский горный. 1918–1998». Книга, посвященная 80-летию Московского горного института, продолжила серию юбилейных изданий: «Московская горная академия. 10 лет» (1929 г.), а также «Московский горный институт. 1918–1968» (1968 г.). Издание 1998 г. существенно отличалось от предыдущих изданий, например, содержанием большого количества нового материала и качеством печати. Нам посчастливилось принять участие в этом труде и написать главу о Московской горной академии. Следует отметить, что наиболее важным в этом издании было использование как опубликованных в газетах и журналах того времени сведений о Горной академии, так и материалов из разных архивов России и Москвы. В результате исследований удалось раскрыть несколько тайн и развеять ряд легенд и заблуждений. Так, было установлено долго замалчиваемое имя первого ректора и одного из создателей МГА Дмитрия Николаевича Артемьева. Кроме того, в архиве ЦК КПСС был найден подлинный декрет о создании МГА. В Государственном архиве РФ были обнаружены протоколы Коллегии Наркомпроса и другие материалы, касающиеся создания МГА. Ценные документы, отражающие первые шаги организации МГА (например, уникальная

Титул издания «Московская горная академия. 10 лет»

Титул издания «Московский горный институт. 1918–1968»

Титул издания «Московский горный. 1918–1998»

запись обмена мнениями различных деятелей, которые входили в Комиссию, созданную по указанию В.И. Ленина, по поводу целесообразности устройства в Москве Горной академии), были найдены в ЦГАНХе (ныне Российский государственный архив экономики). В книге «Московский горный. 1918–1998» подробно изложена вся история создания и становления МГА, поэтому многие материалы (около половины) не вошли в настоящую книгу.

За прошедшие 15 лет были найдены новые документы, а также опубликованы важные статьи и монографии. Прежде всего это касается жизни и деятельности первого ректора МГА Д.Н. Артемьева. Новые сведения о нем были, можно сказать, добыты группой исследователей; ими были приложены неимоверные усилия для поиска новых данных как в России, так и за границей. Все это побудило нас опубликовать известные к настоящему времени материалы по истории МГА.

Мы попытались показать сложный путь формирования высшего технического образования послереволюционной России. Большой интерес представляют судьбы людей, которые стояли

у истоков МГА. Из пяти отцов-основателей известны только несколько фотографий Н.М. Федоровского и фотография студента Артемьева 1901-го года (более поздних его фотографий периода работы в Наркомпросе и ректором не обнаружено; мы имеем только фотографию, сделанную во время его проживания за границей в 1940-х годах). Мы ничего не знаем о судьбе Я.Я. Энслена и М.К. Циглера. Скорее всего, чудовищный вал репрессий 1930-х годов раздавил и их (как это случилось с Г.В. Ключанским и Н.М. Федоровским). Хочется надеяться, что будущие историки Московского горного откроют неизвестные страницы его истории.

В очерк, посвященный Д.Н. Артемьеву, вошли все известные нам в настоящее время материалы об этом незаурядном и весьма сложном человеке (см. Приложение).

Нам представлялось необходимым привести из очень редкого издания — «Вестника Московской горной академии» (Т. 2, 1923) — список профессоров, преподавателей и кафедр 1923 г.

Наконец, мы посчитали интересным опубликовать отчеты о праздновании юбилеев МГА в 1923 и 1929 годах, а также о торжественных заседаниях, посвященных созданию Академии, в 1924 и 1930 годах. Каждый из них фиксировал новый шаг в становлении Горной академии.

В книге большое количество иллюстраций — документов, фотографий и т.д., значительная часть которых найдена в Интернете. Большинство из них находится, как правило, на нескольких сайтах, поэтому иногда сложно указать первоисточник. Поскольку настоящая книга представляет собой научно-популярное издание, то мы решили не давать сносок, так как это затруднило бы чтение (ссылки на источники, касающиеся истории МГА, даны в монографии «Московский горный. 1918–1998»).

В приведенных документах стилистика сохранена.

Автор выражает благодарность всем тем, кто содействовал созданию этой книги.

Глава 1. СОЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ГОРНОЙ АКАДЕМИИ

§ 1. От идеи до декрета

Создание Горной академии в Москве не было делом случайным, оно обусловлено рядом объективных обстоятельств. Во-первых, возраставшими потребностями страны, в том числе и Подмосковского региона, в квалифицированных кадрах — специалистах в области горного дела. Во-вторых, усиливавшейся ролью Москвы как центра научной мысли, сосредоточения научно-педагогических кадров. Именно поэтому Московская горная академия с самого начала создавалась как ведущее высшее учебное заведение в области подготовки специалистов для различных отраслей горной промышленности и горной науки.

Идея создания в Москве горного вуза родилась еще до Октябрьской революции 1917 года. Вот что вспоминал о том времени Н.М. Федоровский: «Самая мысль о создании в Москве высшего горного учебного заведения зародилась еще в 1916 году у меня и проф. Артемьева... Нам казалось совершенно нелепым существование в Нижнем Новгороде¹ горного отделения в то время, когда в таком большом умственном центре, как Москва, не было высшей горной школы. Мы подняли большую кампанию за перевод горного отделения в Москву. К нам присоединились проф. М.К. Циглер и преподаватель Г.В. Ключанский². Был ряд очень бурных заседаний, где осталь-

¹ В связи с начавшейся в 1914 г. Первой мировой войной Варшавский политехнический институт, имеющий горное отделение, был переведен в Нижний Новгород.

² В «Списке личного состава Варшавского политехнического института за 1916 год» находим упомянутые Федоровским фамилии: Михаил Карлович Циглер — по образованию инженер-технолог, ординарный профессор кафедры металлургии, член Совета института, статский советник; Дмитрий Николаевич Артемьев — магистр минералогии и геогнозии, экстраординарный профессор кафедры минералогии, секретарь химического отделения, надворный советник; Георгий Васильевич Ключанский — по

ная часть политехникума обрушилась на нас во главе с «отцом города» — бывшим тогда городским головой, небезызвестным купцом Сироткиным, которому удалось ликвидировать все наши начинания».

В марте 1917 года перед Министерством торговли и промышленности было возбуждено ходатайство о переводе горного отделения Варшавского политехникума в Москву с присоединением его на правах факультета к Московскому высшему техническому училищу, давшему согласие на подобное слияние. Упомянутое ходатайство решило поддержать и Московское купеческое общество. Однако Министерство торговли и промышленности его отклонило, мотивируя свой отказ стремлением сохранить цельность политехнического института. Инициатором перевода был, по-видимому, Д.Н. Артемьев. Н.М. Федоровский в своих воспоминаниях бегло замечает, что в 1917 году при Временном правительстве Д.Н. Артемьевым «была сделана попытка перебраться в Москву с горным отделением, но снова безуспешно». Как свидетельствуют документы, подобное ходатайство было направлено Московскому купеческому обществу, которое постановило поддержать это прошение перед Временным правительством, но и из этого начинания ничего не вышло.

Однако идея горного ВТУЗа не была отброшена совершенно. Проходивший в апреле *Съезд углепромышленников Юга России* признал необходимым и вполне своевременным учреждение в центре России — Москве — высшего технического учебного заведения по горному делу, необходимого для всей страны. Почти в это же время в Москве проходил II *Съезд углепромышленников Средней России*. В его программе было много вопросов, но, пожалуй, основным был вопрос о развитии Подмосковского каменноугольного бассейна. Лейтмотивом всех выступлений на съезде явилось сообщение о современном состоянии каменно-

образованию горный инженер, преподаватель по маркшейдерскому и горному искусству; Николай Михайлович Федоровский — старший лаборант на кафедре минералогии, окончил курс Императорского Московского университета по естественному отделению физико-математического факультета с дипломом первой степени.

угольной промышленности Подмоскownого района, сделанное председателем совета съезда Д.В. Маргойтом. По словам докладчика, она долгое время не имела возможности развиваться из-за сложившегося предрассудка о якобы малой пригодности углей этого бассейна для индустриального использования. Ввиду этого до войны общая производительность Подмоскownого каменноугольного бассейна не превышала 15–18 млн пудов угля в год. Война побудила предприятия центрального промышленного района, испытывавшие недостаток в топливе, обратиться к подмоскownому углю. Многие из них, следуя рекомендациям науки и техники, переработали соответствующим образом свои топки и признали подмоскownый уголь вполне пригодным топливным материалом, имеющим то преимущество, что он находится недалеко от места расположения предприятия. В результате произошло значительное увеличение как количества каменноугольных предприятий, численности рабочих с 2000–2500 до 12 000 человек в 1916 г., так и общей производительности Подмоскownого угольного района с 16 млн пуд. до войны до 43 млн пуд. в 1916 г. В заключение докладчик отметил, что для дальнейшего развития бассейна необходимо проведение целого ряда мероприятий по дальнейшему изучению этого района и его развитию. Съезд принял резолюцию, в которой подчеркивалась государственная необходимость реализации этих предложений.

Съезд заслушал также доклад горного инженера Г.В. Ключанского «О горно-техническом образовании». В нем говорилось о том, что существующее количество горно-технических учебных заведений всех типов недостаточно для России, богатой полезными ископаемыми. Заслушав это сообщение, съезд высказался за создание целого ряда таких учебных заведений, в особенности — средних и низших. Кроме того, съезд нашел «вполне своевременным учреждение в первую очередь в Москве высшего горного учебного заведения в виде первой свободной горной академии, столь необходимой как для всей страны, так и для горного бассейна Средней России».

После съездов в Москве состоялось несколько заседаний с участием представителей Горного округа, Горного управления

и ряда местных общественных организаций, которые поддерживали упомянутую инициативу и даже предоставили небольшие средства на первоначальные организационные расходы. В частности, Московское купеческое общество выделило на эти цели 2000 рублей. Была обещана и более значительная материальная помощь — в несколько миллионов рублей — на постройку и оборудование зданий, а Московское городское управление предоставляло будущей Горной академии участок земли в Нескучном саду для строительства необходимых учебно-вспомогательных научных учреждений, а также показательного горно-заводского сооружения.

После такой поддержки к необходимости открытия в Москве высшего горного учебного заведения склонилось и Временное правительство. Учебный отдел Министерства торговли и промышленности назначил уполномоченным по учреждению ВГУЗа — Д.Н. Артемьева. *Специальной комиссии* поручалось разработать штаты, а также проект положения (этими вопросами занимались Г.В. Ключанский, Н.М. Федоровский, М.К. Циглер). Однако в денежной помощи было отказано.

В это же время в Петрограде при Горном департаменте было образовано *Особое совещание по горному делу в России*, которое ставило своей целью развитие горного промысла в стране путем усиления, с одной стороны, горно-заводской промышленности, а с другой — расширение горно-технического образования. В этом совещании принимали участие члены *Комиссии по устройству в Москве горной школы*. Они выезжали по очереди на еженедельные заседания в Петроград для защиты своей идеи. Остающиеся в Москве занимались разработкой положения, планов, программ будущего высшего горного учебного заведения. Однако обстановка в России не позволила начать практическое осуществление их плана. Продолжалась война. Резко обострилась внутривнутриполитическая ситуация, завершившаяся Октябрьской революцией.

Теперь вопрос о создании Горной академии в Москве вновь встал на повестку дня. Вот что рассказывает об этом Н.М. Федоровский: «В начале 1918 г. я поехал в Москву по партийным делам, вспомнил здесь наши попытки основать в Москве горную

школу, снесся с Горным отделением политехникума (Нижегородского. — *О.И.*), и было решено совершенно самостоятельно организовать здесь учебное заведение по типу академии. Мысль, положенная в основу организации академии, была та, что не-

Н.М. Федоровский

сомненно необходимы горные школы разных типов прежде всего на местах — в горных районах. Но организовывать эти горные школы невозможно за недостатком педагогического персонала (о недостатках учебных пособий тогда мы не думали); необходимо высшее учебное заведение, которое явилось бы рассадником не только горных инженеров, но и профессоров, преподавателей для будущих горных школ по всем районам Республики, следовательно, необходима не только организация учебного дела, но, главным

образом, и научного». Основатели МГА склонялись к мысли о разделении ее на три секции: просветительную, учебную и научную, что соответствовало взглядам ряда деятелей образования на реформирование российских университетов.

Сын выдающегося ученого К. Тимирязева — А. Тимирязев вспоминал: «Сказать, когда и у кого зародилась первая мысль о реформе высшей школы, я не берусь. Я впервые узнал о подготавливавшейся реформе в половине марта 1918 года. Вернувшись домой поздно вечером, я узнал от отца, что к нему заходили М.Н. Покровский и П.К. Штернберг и что все трое несколько часов говорили о предстоящей реформе. По рассказам отца, насколько это у меня сохранилось в памяти, речь шла больше о недостатках старой школы, с которыми все три собеседника были хорошо знакомы, чем о формах новой».

П.К. Штернберг являлся одним из организаторов первого совещания по реформе высшей школы, на которое были

вызваны представители всех учебных заведений, не отрезанные фронтом гражданской войны. Совещание состоялось 8–14 июля. На нем обсуждался разработанный Наркомпросом «Проект положения о российских университетах». Как утверждает А.К. Тимирязев, незадолго до совещания этот проект, составленный М.А. Рейснером, был обсужден в небольшом собрании, в котором участвовали А.В. Луначарский, М.Н. Покровский, П.К. Штернберг, Д.Б. Рязанов, В.Н. Сторожев, Д.Н. Артемьев и сам А.К. Тимирязев. Он вспоминает, что на этом совещании подавляющее большинство не хотело и слышать о реформе; за отдельные положения, выставленные в проекте, высказалось всего несколько робких голосов. Было принято решение обсудить вопрос о реформах на местах и через месяц собраться еще раз и выбрать представителей в Комиссию Наркомпроса для переработки проекта нового устава к следующему совещанию. В эту Комиссию вошли 17 человек — преподавателей, профессоров, студентов. Среди них оказался и Д.Н. Артемьев. Согласно новому уставу российских университетов, каждая высшая школа разделялась на три секции: научную, научно-учебную и просветительную. Кстати сказать, особое нарекание вызвало введение в вузе научной секции. Кроме того, в упомянутом проекте содержалась попытка урезать «академические свободы» через введение «народного совета» в управление университетом.

Говоря о проекте устава, А.К. Тимирязев подчеркивал, что самым существенным демократическим его нововведением является бесплатность лекций и пользование всеми пособиями. «Основа этой меры, конечно, — писал Тимирязев, — заключается в несомненном положении, что в свободной стране пути для достижения высших ступеней знания должны быть открыты для всех граждан...». Второй важной чертой положения Тимирязев считал разделение университета на три отдела — научный, учебный и просветительный. Однако высказывались и другие мнения, и споры шли по всем вопросам и даже словам.

Самым, пожалуй, неприятным для властей было то, что в принятой совещанием резолюции содержалось крамольное утверждение, защищавшее автономию российских универ-

ситетов: «в университетах должна царить атмосфера полной свободы преподавания наук и проведения взглядов и идей всякого направления».

Второе совещание, проходившее с 4 по 8 сентября, фактически отвергло рассматриваемый проект. Это не помешало Д.Н. Артемьеву ввести в Положение о МГА деление ее на три секции (отдела). Стоит заметить, что с 25 июля 1918 года он являлся членом коллегии Наркомпроса (в этот наркомат Артемьев попал на работу в первой половине мая, вероятно, по протекции старого партийца Н.М. Федоровского); 31 июля он докладывал на коллегии Наркомпроса один из первых законов, положивших начало реформе высшего образования в стране: «Декрет о правилах приема во все высшие учебные заведения РСФСР», согласно которому каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16 лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы. В декрете говорилось также, что «воспрещается требовать от поступающих какие бы то ни было удостоверения, кроме удостоверения об их личности и возрасте. Если все-таки прием был осуществлен «на основании аттестатов или же конкурсных экзаменов», то он объявлялся недействительным.

В конце августа Д.Н. Артемьев был назначен заместителем Д.Б. Рязанова «по отделу научных учреждений в Москве», а в середине октября он уже «заведующий отделом высшей школы»¹ (Н.М. Федоровский 19 октября был назначен его «временным заместителем»).

15 августа 1918 года на коллегии Наркомпроса Д.Н. Артемьев в присутствии М.Н. Покровского, Н.К. Крупской, В.Н. Познера, П.П. Лепешинского сделал доклад «Об издании декрета об учреждении Московской горной академии». В протоколе заседания написано всего несколько строк: «Слушали: тов. Артемьев докладывает о проекте создания в Москве Горной

¹ Подробнее с биографией Д.Н. Артемьева можно ознакомиться в очерке Приложения.

академии ввиду отсутствия, за исключением Горного института в Петрограде, научных учреждений, обслуживающих горное дело (проект декрета прилагается). [Постановили]: внести в Совнарком проект декрета и смету в 4.444.000 руб. (на оборудование Горной академии — 2.892.000 руб., на тех. расходы — 735.000 руб. и на содержание личного состава — 735.000 руб.)».

23 августа 1918 г. коллегия Наркомпроса направила в СНК РСФСР подписанное заместителем наркома М.Н. Покровским отношение, в котором сообщалось: «Коллегия Народного Комиссариата по просвещению на 41/78 заседании 15 августа с/г., рассмотрев проект декрета, проект штата и проект сметы на оборудование Московской горной академии, препровождает их при сем на утверждение и опубликование».

В тот же день Д.Н. Артемьев от имени Отдела высших учебных заведений Наркомпроса отправил проект штата и сметы учреждаемой МГА на отзыв в две инстанции — Народный комиссариат государственного контроля и Народный комиссариат по финансовым делам.

Стоит заметить, что в книге, посвященной 10-летию МГА, имя Д.Н. Артемьева, как ее организатора, не встречается. Там сказано, что особое деятельное участие в деле организации Академии принял Н.М. Федоровский, который «тотчас по переводу в Москву и назначении его председателем Горного Совета, начал продвигать вопрос о создании в Москве высшей горной школы. Получив поддержку ВСНХ, тов. Федоровский заручился помощью со стороны тов. М.Н. Покровского, который твердо отстаивал учреждение Московской горной академии в Коллегии Наркомпроса». Возможно, что так в какой-то степени и было, но документы рисуют иную картину¹.

24 августа 1918 г. в Приложении к «Известиям ВЦИК» — «Народное просвещение» (№ 14), — выходящем под редакцией Наркомпроса, появилась большая статья «Об учреждении в Москве Горной Академии». Есть основания полагать, что она являлась изложением объяснительной записки, предназначенной для заседания Совнаркома и подготовленной Д.Н. Артемьевым.

¹ О причинах подобного умолчания речь пойдет в очерке об Д.Н. Артемьеве.

Автор или, скорее всего, авторы начали с того, что констатировали слабое развитие горной промышленности в стране. «Нынешняя война, — сказано в статье, — ясно показала, насколько тесно связана фабрично-заводская промышленность Москвы с минеральным сырьем и железными рудами именно центрального Московского района, где, как известно, запасы указанных полезных ископаемых громадны, но развитие их эксплуатации более чем скромно...». Авторы обращали внимание на то, что при общей потребности Московского промышленного района в каменном угле в сотни миллионов пудов его добыча в Подмосковном бассейне в 1913 году едва достигла 14 миллионов пудов и только немного возросла в военное время. Аналогичная ситуация сложилась и с разработкой железной руды в Центральной России. При запасах ее в 48 миллиардов пудов ежегодная добыча составляла всего около 10 млн пудов.

В статье указывалось и на то, что в связи с войной особое внимание было направлено на развитие промышленности Центрального района; необходимо всестороннее исследование, а потом и использование богатств Центральной России. Для этой работы необходимы специалисты и прежде всего горные инженеры, а их очень мало. «Быстро удовлетворить эту нужду в ближайшее время, — отмечалось в статье, — возможно будет лишь при условии существования высшего горного учебного заведения в крупном культурном центре, куда легко привлечь лучших специалистов и иметь большое количество студентов. Таким культурным центром и является Москва, где уже имеются все условия, необходимые для успешной работы высшего учебного заведения, как библиотеки, музеи, всевозможные мастерские и проч., где преподавание легко обеспечить лучшими научными силами». Авторы статьи ссылались в подтверждение своей точки зрения на отечественный и зарубежный опыт.

Кроме того, они отмечали, что Москва — центр большого промышленного района, связанного удобными путями сообщения со всеми окраинами России.

В цитируемой статье давался небольшой очерк истории проблемы. «При старом бюрократическом строе императорского правительства было вполне понятно желание, хотя бы отчасти, затормозить развитие промышленности в Московском районе ввиду того, что Москва рассматривалась как конкурент Петрограду; бюрократия всяческим образом чинила этому развитию препятствия, может быть, также и потому, что это развитие было обязано не протекциям и субсидиям, а исключительно самобытному таланту и труду. Подобное отношение к Москве и Московскому промышленному району в особенности теперь при необходимости использования всех производительных сил страны совершенно недопустимо».

Доказывая необходимость Академии, авторы статьи отмечали, что она могла бы стать связующим звеном между промышленностью и наукой: «Теперь такую связь с проектируемой Горной Академией предполагается осуществлять и постоянно поддерживать учреждением при Академии ряда специальных, независимо от учебных лабораторий как для исследования промышленных материалов и продуктов, так и для разработки и разрешения насущных вопросов, выдвигаемых горно-заводской промышленностью и связанными с ней областями техники. Руководящая роль в этих лабораториях будет принадлежать профессорам Академии; причем к менее ответственным работам могут быть привлечены и студенты». Авторы ссылались при этом на зарубежный опыт. В числе таких лабораторий предполагались лаборатории по испытанию прочности металлов, металлографическая лаборатория, химическая лаборатория, лаборатория для исследования всех вопросов, связанных с топливом, и специально для исследования каменного угля Подмосковного бассейна и пр.

Авторы проекта предполагали открыть при Академии образцовые школы горных десятников и штейгеров, считая, что их отсутствие «служит одним из главных тормозов развития горной и металлургической промышленности Республики». Предполагалось также ознакомление для командированных с заводов и рудников техников с методами контроля работ на предприятиях. В проекте также говорится о возможности,

в случае необходимости, организации временных специальных курсов для инженеров, а также низшего технического персонала по вопросам, связанным с применением современной техники.

Создатели Московской горной академии видели в ней объединяющий центр, «вокруг которого сосредоточились бы всевозможные интересы горной и соприкасающихся с ней отраслей промышленности всей Средней России». Такой объединяющий центр, по мнению авторов, дал бы возможность наилучшим и скорейшим образом разрешать самые различные запросы, выдвигаемые жизнью, создавая тесную связь между разъединенными в настоящее время группами предприятий с их специальными интересами.

«...Как русская, так и иностранная практика выяснила, — отмечено в статье, — что высшее горное учебное заведение может правильно и продуктивно функционировать, находясь или в непосредственной связи с каким-либо горным районом, или в крупном культурном и промышленном центре. Москва удовлетворяет обоим этим условиям, являясь не только культурным центром, связанным удобными путями сообщения со всеми окраинами России, но и центром обширного горнопромышленного района».

Особое внимание в статье уделялось также устройству обширного горно-заводского музея, в котором должны быть представлены образцы из рудных месторождений Средней России, а также лучшие русские и заграничные изделия горно-заводской промышленности.

Авторы статьи особо подчеркивали, что открытие в Москве высшего горного учебного заведения типа Горной академии является в настоящее время одной из самых насущных потребностей всей торговопромышленной жизни Москвы. Поэтому они приходили к выводу о том, что «создание Горной академии должно быть осуществлено в самом ближайшем времени, если только Правительство желает пойти навстречу развитию и всестороннему использованию естественных производительных сил Центральной России». Примечательно, что статья заканчивается как бы ответом Наркомпроса противникам идеи создания МГА: «Правительство вполне сознает, что увеличение

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
ГЛАВА 1. СОЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ГОРНОЙ АКАДЕМИИ	8
§ 1. От идеи до декрета	8
§ 2. Первые годы — Организационная комиссия	28
§ 3. Открытие Академии	45
ГЛАВА 2. ОБУЧЕНИЕ	78
§ 1. В нормальном русле: учеба и студенческий быт	78
§ 2. «Положение о высшей школе» 1921 года и учебный процесс в МГА	92
§ 3. Пролетаризация студенчества	111
§ 4. Преподаватели и студенты	120
§ 5. Рабфак	137
ГЛАВА 3. НА ПУТИ К РЕОРГАНИЗАЦИИ АКАДЕМИИ	142
§ 1. «Шахтинское дело» и проблемы с кадрами	142
§ 2. Реорганизация	160
Приложение	
ПЕРВЫЙ РЕКТОР МОСКОВСКОЙ ГОРНОЙ АКАДЕМИИ: ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ АРТЕМЬЕВ	174
§ 1. Происхождение	174
§ 2. Московский государственный университет; Е.С. Фёдоров ..	180
§ 3. Путь в науку	191
§ 4. Наука	199
§ 5. От науки к руководству образованием	210
§ 6. Проблемы	218
§ 7. Бегство	227
§ 8. За границей	241
СПИСОК ПРОФЕССОРОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И КАФЕДР МОСКОВСКОЙ ГОРНОЙ АКАДЕМИИ в 1923 году	252

ЮБИЛЕИ.....	257
1923-й год: четырехлетие МГА.....	257
1924-й год: 5-летний юбилей МГА	266
1929-й год: 10-летний юбилей МГА	276
1930-й год: 11-летие МГА.....	314